
Прямое Действие

2017, № 36

Издание секции Международной ассоциации трудящихся в России

ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ГЛАЗАМИ АНАРХО-СИНДИКАЛИСТОВ

... Париж воскрес 46 лет спустя... Воскрес там, где три тяжелых, мучительных столетия царил самый подлый и самый отвратительный произвол... Хронос-крот хорошо и неутомимо рыл ... И 11 марта 1917 г. было последнее воскресенье царизма, последней кровавой тризной его, ибо 12 он уже умер, и народ забил осиновый кол в его могилу, откуда ему больше не восстать...

Революция возникла на третьем году неслыханной мировой бойни в результате военных поражений. В силу особых, отличных от французских 1871 года, условий, мартовская революция поставила перед собою противоположную Коммуне цель – Мир.

“Мира, хлеба и свободы!” – вот клич петроградского пролетариата и России.

Истерзанное, измученное, истекавшее кровью человечество с надеждой обратило свой взор на Вос¬ток. Манифест петроградского пролетариата о мире всего мира укрепил эту надежду. Манифест гласил, что борьба за мир есть первая цель победившего пролетариата. Однако, несмотря па все старания пролетариата, революция не оправдала возложенных на нее мировым рабочим движением надежд.

Бессильная, рыхлая, по жадная до империалистических захватов буржуазия, овладев властью, видела в революции лишь условия лучшего ведения войны, но не орудие мира. Бессильная, чтобы целиком овладеть революцией и использовать ее в своих интересах, не прибегая к посторонней помощи, она была достаточно сильна, чтобы дискредитировать революцию в глазах трудящегося Запада. Бесстыдные, подлые и гнусные по обману масс, дипломатические ноты о мире господ Милюковых значительно подорвали доверие к революции и её силам. Русские социалисты, добровольно пошедшие в “услужение” к пухлой, безвольной, тупой, глупой и бессильной отечественной буржуазии, каждый день, каждый час продавали интересы восставших масс, интересы Революции.

Златоусты и кривляки из провинциальных адвокатов, вознесенные на гребень революционной волны, с презрением третировали восставший народ, обзывая его “взбунтовавшимся рабом”. “Сибирские циммервальдисты”, всероссийские патриоты, что не помешало им впоследствии сделаться всегрузинскими патриотами и лобызаться с генералами кайзера, представители советского болота с узколобием, по выражению Маркса, свойственным всем преуспевающим государственным мужам, не за страх,

а за совесть, приносили интересы масс на алтарь сильного государства, т. е. буржуазии. Из вождей пролетариата, из вождей революции, они, не отказываясь от этой роли, превратились в защитников буржуазии, более активных, чем сама буржуазия. Восемь месяцев они обманывали революционную страну, восемь месяцев они занимались вкладыванием палок в колеса революции, восемь месяцев кормили они массу обещаниями, а иногда и свинцовым горохом, восемь месяцев оберегали буржуазию от сокрушительного напора масс, в течении этих месяцев узколобые, преуспевающие государственные мужи не могли, не хотели понять революции, ее истинных целей, се причины: восемь месяцев они не хотели реализовать лозунг революционных масс: “Мир, хлеб и свобода”.

Во имя спасения ожиревшей и ленивой восточной буржуазии они готовы были вступать, и вступали в заговоры против революции, против рабочих, солдат и крестьян. В интересах буржуазии, эти болванчики буржуазного манекен-театра именем революции погнали солдатские массы под губительный огонь немецких пушек; ради буржуазии, но якобы в интересах революции, они ввели смертную казнь на фронте, в интересах предаваемой ими революции они стали на путь репрессий, охраняли землю феодалов-помещиков от крестьян, фабрики от рабочих, предлагая последним ради их интересов сократить свои аппетиты касательно заработной платы...

Они не хотели, не желали видеть и знать социальной природы революции; они хотели своими хилыми, выхоленными руками удержать революцию на почве нерешительных, трусливых, медленных, жалких политических реформ.

И революция отмстила им. Задержанная искусственно энергия восставших масс, не находя выхода, прорвала плотину и смыла их, если не навсегда, то, во всяком случае, надолго: живительный поток народной стихии очистил русскую землю от помещика, капиталиста и от услужающих им. Родился Октябрь.

Октябрь воскресил Париж, а с ним и Версаль... Всероссийская коммуна вызвала в сто крат большую злобу и бешенство русских Тьеров, Трошю и Жюлей Фавров, в сто крат больше перепугала международную буржуазию, чем Парижская Коммуна.

Русский Версаль был многоликий и многоместный ... Он был в Самаре, на Дону, в Архангельске, в Крыму. в Пскове, на Украине, в далекой Сибири и уральских степях... Но судьба не судила никому из них разыграть роли Тьера и стяжать лавры Галифэ, хотя они наделали мерзостей не меньше, чем эти два буржуазных изувера ... Всероссийская Коммуна раздавила их и выбросила вон. И не нам жалеть об этом...

Когда народ торжествует, буржуазия трепещет. И было отчего трепетать, было что ненавидеть, было от чего приходить в звериное бешенство: Воскрес Париж! Воскрес и овладел 1/6 частью Земного шара, умом и сердцем 150 миллионов рабочих и кре¬стьян, которые беспощадно, с варварской безжалостностью низвергали и разрушали старые кумиры, старые, привычные, удобные, покойные социально-политические основы... Нет больше государства, а есть Совет, который должен стать политической формой самой маленькой деревни! Нет частной собственности и нет собственника, а есть общественная собственность, вольная фабрика-коммуна, и фабрично-заводской комитет должен сделаться экономической формой – синдикализм! Нет армии, ее заменила красная гвардия, т. е. вооруженный рабочий и мужик! Нет помещика-плантатора, остался трудовой мужик и ассоциированное земледелие, которое должно было вытеснить кулаческий индивидуализм крестьянина! Нет полиции, нет суда, нет свода законов, церковь ранена смертельно. Рассадники буржуазной, лживой, затхлой, изуверской морали – школа и университет раскрепощены!..

Начала строиться Всероссийская Коммуна без бога, без царя и без хозяина...

Стопроцентная буржуазия, буржуазия с социалистическим насморком, социалистическая слякоть, помещик, аристократ, барынька с высшего света, ... и пр. и пр. сброд, “имена ты их, господи, веси”, образовали “небольшую, но тёплую компанию”, которая ударила лобовой атакой на революцию, на рабочих и крестьян. Узколобые, они ещё не додумались до той иезуитской “истины”, что народ можно победить, подделываясь под него... Только теперь, на исходе шестого года бесславного поражения, они начинают познавать ее.

Не то большевики! Они если не знали, то инстинктивно понимали эту истину, и они оказались победителями народа-победителя. Конечно, этой победе содействовал русский Версаль, претенденты па роль Тьера и Галифэ. Не будь Версаля, большевики не смогли бы так безнаказанно распинать революцию для блага революции. Версаль помог им в издёвке над пародом, над революцией: “мы убиваем тебя для твоего же блага”...

Но дело здесь не только в Версале. Оно гораздо глубже. Дело в государственном социализме, в марксизме. Большевики распинали революцию, терзали народное тело не только по вине Версаля и не потому, что были ложными вождями-изменниками. Нет, совсем не поэтому... Они хотели добра народу, но они – государственники и поэтому боятся народа, не доверяют ему и все хотят делать сами за народ и для народа. Они безумно требовали, чтобы развитие парода, его социального творчества совершалось... пределенной, заранее выработанной формуле и в определенных формах. И они с храбростью Дон-Кихота и жестокостью Торквемады вгоняли творческий дух народа в мертвые формы, беспощадно обрубая все, что не входило и не вкладывалось в них. Они заставили уверовать в нового, хотя и в трех лицах – централизм, диктатура, терроризм – бога, в государственный социализм, как в единоспасающую силу, как силу страшную для врагов Коммуны трудящихся. Но под эту силу попали не только враги, но сама Коммуна, сама революция и Его Величество Пролетарий Всероссийский.

Святая троица – сущность государственного социализма. Она раздавила Всероссийскую Коммуну, убила революцию. И поскольку эта троица есть сущность всякого государства, – а логика государ¬ства всегда логика буржуазная, плантаторская, угнетательская, – постольку, естественно, и приверженцы социалистического государства из друзей народа неизбежно делаются его заклятыми врагами. Это случилось с большевиками. Внешние причины, как гражданская война, лишь ускорили процесс этого превращения.

Нужно знать, что большевики пошли за массами и разрушали вместе с ними государство не потому, как утверждают их враги справа, что хотели разрушить, а потому, что хотели его снасти, спасти его принцип, который позволил бы построить новое государство. Каждый выстрел белогвардейца давал им причину и повод к ущемлению и ограничению революции, во славу государства. И на месте старого полицейского государства выросло новое, с могучей армией, с полицией, шпионами, судами, тюрьмами, законами, палачами. Последний белогвардейский выстрел означал, что здание нового государ¬ств закончено.

Так из творческого революционного “хаоса” родилась мертвая полицейская система – Государство; творцом его был марксизм.

Что не смогли сделать буржуазия, ее прихвостни и развратный белогвардейский сброд, то сделали “коммунисты”-марксисты. Они взнуздали Россию, растлили ее, привели к покорности и сковали цепями политического рабства и экономической эксплуатации. Они победили Революцию, презренную роль версальцев они присвоили себе. Марксизм стал, в образе большевиков, воплощением контрреволюции самой наглой, самой подлой, самой дерзкой и бесчестной. Поверженная ниц, закованная в цепи красного деспотизма, пытаемая в застенках и распинаемая на кресте Россия затихла, примолкла...

И вдруг среди кладбищенской тишины раздался мощный клич: “К оружию, Россия, Октябрь погиб!”.

Матросский, красноармейский и рабочий Кронштадт восстал на защиту октябрьской коммуны. Но распятая Россия не могла придти к нему на помощь... Кронштадт разделил участь Парижа ... Ленин разыграл на съезде партии роль Тьера, а Троцкнй под стенами Кронштадта – роль Галифэ...

“Народ убедился, – писали коммунары-мученики, – что большевистский коммунизм – это комиссародержавие плюс расстрелы”.

В день рождения Парижской коммуны погибла коммуна Кронштадта. Расстреляны люди, идеи живут... Мертвецы Кронштадта, как и мертвецы Парижа, будут творить дело живых...

Кронштадт — что последний вздох русской революции, ее завет. Коммуна Кронштадта не успела развернуть своей программы. I6-дневное существование – слишком малый срок для этого, но она успела сказать, что вольный совет должен быть политической формой самой маленькой деревни, а фабрично-заводской комитет – экономической формой вольной фабрики-коммуны. Эти идеи, орошенные обильной кровью борцов, дадут пышные всходы... Бега времени остановить нельзя, час двенадцатый пробьет... Над миром ... взойдет социальная заря, тогда кровь праведников послужит лучшим цементом новых вольных общественных форм.

Слава погибшим, слава!

Спите спокойно, безвестные храбрые солдаты народной революции, вы честно служили ей, и ваше “дело всегда отзовется на поколениях живых”. Придёт время, и благодарные потомки разыщут ваши могилы и украсят их цветами.

Г. Максимов

“Рабочий путь. Орган русских анархо-синдикалистов”. 1923. №1. Март

(Печатается в сокращении)

КОНСТРУКТИВНАЯ ПРОГРАММА АНАРХИСТОВ В РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

... Город, освобожденный от политической власти, еще не есть собственно вольный город. Он лишь имеет возможность стать таковым. Вольным на деле город становится лишь тогда, когда в нем начинается бодрое, живое, свободное строительство общественно-трудовых организаций и их объединений; когда в нем начинает бить ключом кипучая, вольная жизнь; когда каждый житель его участвует в общественной жизни, в товарищеском труде, в живой, деятельной и радостной организационной, хозяйственной и культурной работе.

Для того, чтобы город стал действительно вольным, необходимо, чтобы жители его перестали быть мкщанами и обывателями; чтобы все население, почувствовав себя окончательно свободным, смело и решительно приступило к делу строительства новой жизни на равенственных, справедливых и разумных началах.

В вольном городе не должно быть безработных, праздных, голодных, забитых, угнетенных, трусливых. В вольном городе не должно быть личной наживы, эксплуатации, насилия.

Вольный город должен быть свободно и бодро работающим союзом трудовых организаций, имеющих в своем ведении и распоряжении все средства и материалы для труда и дружно обслуживающих взаимные интересы друг друга.

Вольный город должен быть окружен вольными деревнями и состоять с ними в тесных общественных, хозяйственных и культурных отношениях. Вольный город должен сноситься, договариваться и обмениваться с другими вольными городами и районами.

Организовать истинный вольный город может только само трудовое население, дружно и смело взявшись за общее дело строительства вольной жизни.

Больше смелости духа, друзья. Ошибки и промахи пусть послужат вам уроком. Не бойтесь их. Не бойтесь ничего. Все равно. кроме вас самих, никто ничего создать и построить не сумеет. Так беритесь же за дело и в дружной работе, преодолевая все трудности, овладевайте дарами природы и труда; проджолжайте сами творить новые дары на благо всех и стройте великий союз вольных городов и деревень, вольного общества, вольного труда, вольной, яркой, красивой, истинно человеческой жизни.

В. Волин

Из статьи “О вольном городе”, опубликованной в махновской газете “Путь к свободе” 18 ноября 1919 г.

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ РЕВОЛЮЦИИ

“... Я махновец потому, что стремлюсь ко всеобщему счастью и подлинному равенству, потому что для меня нет ни иудея, ни эллина, потому что моя нация - труженики всего мира, а враг мой буржуи и властелины всех наций. Я махновец, потому, что я революционер”.

Из статьи “Почему я махновец” (газета “Вольный повстанец”, №1, г. Зеньков, 11 августа 1920 г.

ИЗ ВОЗЗВАНИЯ АЛТАЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ АНАРХИСТОВ (май 1920 г.)

“... товарищи крестьяне и рабочие, небходимо восстать как одному человеку и прогнать всех, кто не дает вам свободу, и уничтожить все законодательные учреждения, которые порабощают вас, как-то: ревкомы, советы, комиссары и лесничества, потому что эти учреждения, окромя порабощения, ничего вам не дали, а поэтому вы должны отказаться от повиновения какой бы то ни было власти, и должны признать самоуправление самого народа, т.е. в дела деревни никто не должен ввязываться, кроме вас самих. Также и в дела фабрик и заводов то же самое никто не имеет права ввязываться, кроме самих рабочих, т.е. каждый труженик должен быть хозяином своего труда...”.

АНАРХО-СИНДИКАЛИСТЫ В ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТАХ

Одна из задач, которые ставят перед собой активисты российской секции Международной ассоциации трудящихся - это ведение агитации на рабочих местах и содействие самоорганизации трудящихся в борьбе за их интересы, против произвола хозяев и начальников. Многие из наших товарищей за минувший год принимали участие в трудовых конфликтах и пытались помочь коллегам организовать сопротивление.

Товарищ К. в одном из городов на юге России работал на частном предприятии, зарегистрированном в офшорной зоне за рубежом. Владелец систематически не платил работникам зарплату; начальство относилось к ним по-хамски. После 3-месячной задержки зарплаты цех провёл собрание и постановил бастовать, после чего долги начали возвращать. Но затем, получив всего по 2500 рублей за 2 месяца, работники вновь возмутились и решили начать забастовку. К. рассказал им о формах, методах и опыте рабочей борьбы и пообещал от имени российской секции М.А.Т. организовать кампанию солидарности. Однако хозяин не шел на уступки и потребовал от работников дополнительно работать в воскресенье сверхурочно, чтобы выполнить заказ. Несмотря на агитацию товарища, коллеги в итоге испугались и согласились работать сверхурочно и не бастовать. Товарищ планировал организовать "итальянскую забастовку" и создать независимый профсоюз, но, к сожалению, оказался один на один с начальством, которое стало угрожать ему увольнением за ежедневную пропаганду забастовки. В понедельник некоторые из работников не вышли на работу, но в итоге забастовка провалилась. Наш активист был уволен и вынужден был добиваться выплаты заработанных денег юридическим путем...

Полный произвол хозяев и начальников царит не только на частных предприятиях. В государственных службах и конторах дела обстоят не лучше. Активистка российской секции М.А.Т. товарищ М. работала в одной из таких служб в Москве. Директор конторы (из рьяных молодых менеджеров) дала указания начальникам отделов собрать с подчиненных их контакты в социальных сетях. Сотрудники, которые не имели своих страничек, должны были их срочно создать и подписаться на группу компании в сети "Вконтакте". При этом директор потребовала, "чтобы на страницах не было никаких неприличных фото и никаких высказываний". Начальники отделов обязаны были записать имена тех, кто отказался завести такие страницы в Интернете.

Как рассказала М., на сайт компании было прислано письмо-жалоба с таким текстом: "Мой парень из ... рассказал, что их там всех заставляют Вконтакте входить в какую-то группу, а кто еще без аккаунта, то заводить, и все это будут отслеживать. И надо сообщить, где ты зарегистрирован и все данные о себе. Или премии лишат, ихняя новая директриса указ выпустила такой. Мне рассказали, что раньше так в пионеры загоняли всех. По-моему, это дурдом. Просто интересно, это только она у них такая инициативная или по всей стране началось?"

После этого в конторе разгорелся скандал. Опасаясь "нагоняя" от собственного начальства, директор стала оказывать нажим на работников, требуя, чтобы они отмежевались от письма и заявляли, что все дела идут прекрасно, и никаких злоупотреблений нет. Наш товарищ и сотрудники отдела, в котором она работала, договорились не отвечать на письмо ложью и промолчать. В конечном счете, администрация отказалась от плана заставить работников соврать и предпочло выступить с опровержением от своего имени.

Еще один член российской секции М.А.Т., товарищ В. вместе с группой ученых и техников был занят на исследовательских работах на платформе в море на Севере России. Начальство отказывалось выплачивать присланным из Петербурга специалистам "северные надбавки" и предоставлять им дополнительный отпуск. Наш товарищ объяснил коллегам их права и предложил организованно требовать положенного, в соответствии с трудовым законодательством, и равной платы за равный труд.

КОГДА НАНИМАТЕЛЬ - ГОСУДАРСТВО...

Бытует мнение, что работа в бюджетных учреждениях отличается большей стабильностью в том, что касается выплаты заработной платы и соблюдения трудовых прав. Однако исходя из собственного опыта, могу сказать, что дела там обстоят не намного лучше нежели в частных конторах. Бюджетники даже в столичных филиалах неоднократно сталкиваются с нарушениями трудового кодекса, включая неоплачиваемые переработки и всяческий беспредел непосредственного начальства. Наблюдались случаи, когда работники задерживались до поздней ночи, общественный транспорт уже не ходил, из-за чего рабочим приходилось вызывать такси чтобы добраться домой (разумеется, за свой счет). Начальница отдела, в котором я работала, оказывала давление на подчиненных, говоря в открытую на планерках отдела о том, что сотрудники, которые не успевают выполнять полный объем поставленных задач, обязаны выходить на работу в выходные дни либо задерживаться после окончания рабочего дня. Никакой официальной документацией выход во внеурочное время не согласовывался, как не согласовывалось и количество сверхурочных часов, и объем выполняемой работы. Срочные поручения могли "сыпаться" от начальства за десять минут до конца рабочего дня, или менялись сроки поручений, о чем опять же сообщалось только в конце рабочего дня, в результате чего работника обязывали выполнять задания "в режиме ошпаренной кошки" (как это часто там называлось).

Сверхурочная неоплачиваемая работа периодически выполнялась не только в вечерние часы после 18:00, но и утром до начала рабочего дня (за час или полтора), что было обыкновенной практикой в данном бюджетном учреждении. С этим связан один интересный и показательный для трудящихся случай. После очередного совещания, проведенного у директора филиала с начальниками отделов, в протоколе данного совещания появился пункт, якобы обязывающий начальников отделов завести журнал прихода / ухода своих сотрудников, то есть журнал, в котором они должны отмечать время прихода на рабочее место и ухода домой (под роспись). Правда, если большинство начальников структурных подразделений отнеслись к этому поручению лояльно, то начальница нашего отдела, обязала подчиненных заходить непосредственно к ней в кабинет (где и находился журнал) в верхней одежде, чтобы она якобы видела и знала точное время (до минуты) прихода / ухода сотрудников. Думаю, очевидно, что такая процедура мягко говоря унизительна для человека, рожденного после 1861 года. Кстати, за опоздание на 3-5 минут сотрудник получал выговор, однако, бесплатные переработки воспринимались начальством как должное. В свете всего сказанного, совершенно невообразимо или же, наоборот, очевидно, что через пару месяцев после официального введения вышеуказанного журнала руководство официально его отменило, никак это не комментируя. Правда, становится понятным, что данное решение обусловлено далеко не гуманными порывами. Ведь, журнал фиксировал вопиющие нарушения руководством и непосредственными начальниками трудового кодекса (сотрудников могли задержать до 23:00, что отражалось в журнале). Руководство испугалось своих же мер контроля, так как, в случае проверки филиала трудовой инспекцией, журнал послужил бы отличным подтверждением превышения нормальной продолжительности рабочего времени (статья 91 Трудового Кодекса РФ).

Но и это еще не все прелести современного рабства! Некоторых сотрудников при приеме на службу предупреждали о том, что график будет "ненормированным", правда, трудовой договор четко обозначал 8-часовой рабочий день с перерывом на обед и двумя выходными. По факту, такие работники трудились чуть ли не в 2 смены, что даже понятию "ненормированный график" противоречит (ненормированный рабочий день позволяет уйти и в 12 ночи, но и прийти на следующий день человек

может, к примеру, в 12 дня - в месте же, про которое идет речь, приходить нужно было строго к 9-ти, независимо от вечерних переработок). За две смены работы в бюджетном учреждении и платили по-бюджетному – как за одну. Требования же к выполнению поручений, несмотря на обстоятельства, оставались высокими, да и задания часто выходили за рамки квалификации работников. К примеру, сотрудник, занимающийся СМИ, то есть публикацией новостей филиала, помимо своих непосредственных обязанностей, изготовлял открытки для руководства филиала и вышестоящих организаций.

Многих сотрудников убеждали выходить на работу во время больничного, да и вообще больничные воспринимались начальством крайне негативно. Такая халатность по отношению к здоровью людей нередко приводила к его ухудшению и тяжелым последствиям. Некоторым приходилось работать даже с начальной стадией пневмонии. ..

Отдельные слова хотелось бы сказать, и про сокращение штата в филиалах данного бюджетного учреждения.

С конца 2016 года были изданы многочисленные приказы о сокращении штата в филиалах по всей стране. Не обошли стороной сокращения и московский филиал. Однако, если в Москве сотрудников сокращают в соответствии с законом (с уведомлением о сокращении за 2 месяца и выходным пособием), то в других регионах, по словам сотрудников местных филиалов, происходит тихий ужас.

Директора региональных филиалов не желают сокращать сотрудников законным путем. По информации, полученной от пензенских бюджетников, их вынуждают писать заявления на увольнение по собственному желанию: очевидно, что ни на какие выплаты в данном случае рассчитывать не приходится. Пензенские сотрудницы жалуются на произвол начальства, которое запугивает их увольнениями даже в случае наступления беременности. Не лучше ситуация и в Ростове-на-Дону, где сотрудников вместо законного увольнения в связи сокращением также вынуждают уйти “по собственному”...

Как мы видим, вызывающие, непрекрытые нарушения прав трудящихся могут быть как в частных конторах, так и в государственных учреждениях, как в регионах, так и в столице. “Работодатели” не оставляют трудящимся иного выхода, кроме коллективной борьбы за свои трудовые интересы и человеческое достоинство. Эксплуататоры, к своему несчастью, не понимают, что для них не существует более страшного врага, чем трудящийся, которому больше нечего терять, кроме своих цепей.

Тов. М.

ОБЩЕСТВО

ДВИЖЕНИЕ ПРОТИВ “РЕНОВАЦИИ” В МОСКВЕ:
короткая весна протеста

Весной 2017 года российскую столицу потрясла волна протестов против объявленного и утвержденного властями плана так называемой “реновации”: массового сноса так называемых “пятиэтажек” с сооружением на их месте огромных многоэтажных зданий с коммерческим жильем. Взрыв негодования жителей оказался стихийным и совершенно неожиданным для правителей. Масштабы и самоорганизация выступлений поразили политиков и наблюдателей.

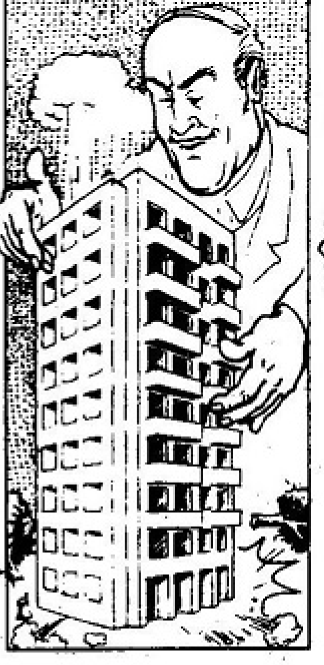
Официально “реновация”, как и все остальные реакционные реформы в России, осуществлялась, конечно же, “в интересах населения”. В этот миф поверимли даже многие не-москвичи, искренне не понимавшие, почему столичные обитатели возмущаются, не понимая своего счастья. Неужели совсем “заелись”? Между тем, насторожить людей должен был бы уже один простой и элементарный факт: правящая в России капиталистическая олигархия никогда и ничего не станет делать на пользу “простому человеку”. Вся ее политика всегда направлена только и исключительно на умножение собственной прибыли и удовлетворение неуемной жажды господства. Доверять чему-либо, исходящему “сверху”, не приходится в принципе.

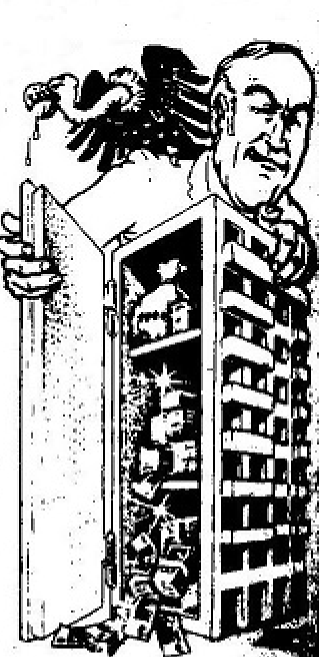
Именно так обстояло дело и на сей раз. Российские регионы изнывают от острой нехватки жилья. Людям приходится обитать нередко в старых, полуразвалившихся домах, ингогда без элементарных удобств. На этом фоне объем объявленной строительной програмы в рамках московской “реновации” и впрямь поражает воображение. Московские власти широко и печально известны тем, что тратят миллиарды на различные “престижные проекты” и “украшательство”, позволяя наживаться различным частным поставщикам и фирмам - хотя множество социальных проблем в столице вопиюще остры (“Москва - город контрастов”). Но тут гигантомания приняла. что называется, почти космический размах!

Согласно первоначальному плану “реновации”, сносу подлежали почти 8000 домов, построенных в 1950-х - начале 1960-х годов; 1,6 миллионов из 13 миллионов жителей Москвы собирались переселить на новое место, пообещав им квартиры в новостройках. Неужели власти России и города Москвы решили облагодетельствовать подвластное им население? Неужто неолиберальному экстремизму правителей пришел конец?

Ядовитые шипы букета. подаренного хозяевами нашей жизни, москвичам, обнаружились очень быстро. Прежде всего, выяснилось, что под снос намечены отнюдь не только наспех сооруженные в свое время блочные “пятиэтажки” с малогабаритными квартирами, но и многие добротные ктрпичные здания, с хорошей планировкой и высокими потолками. Их “грех” заключался просто в том, что они находились в местах, где земля была очень дорога и прямо-таки манила жадных застройщиков. Строительство на месте качественной

пятиэтажки 15-этажного монстра из дешевых стройматериалов обещало колоссальные прибыли. Жители же сносимых таким образом домов оказывались в проигрыше.

Второй причиной для беспокойства стал выбор мест для переселения жителей домов, подлежащих сносу. Существовали сильные опасения, что людей попросту выселят из обжитых ими и более близких к центру города районов и "загонят" на далекие окраины, откуда исхода уже не будет, а дорога до работы по московским "пробкам" будет занимать часы. Правда, власти пообещали, что новые здания для переселенцев будут построены в тех же самых районах, но этим словам многие просто не доверяли. Было известно, что на окраинах Москвы строяи пустые дешевые новостройки плохого качества, где никто не хочет покупать квартиры. Как же могут московские власти не пособить своим партнерам и друзьям из строительной мафии? Туда переселяемых и отправят, предсказывали многие.

Но пусть даже новый дом будет и впрямь построен в том же административном районе города. Но где? На месте бывших промзон, посреди пустырей, вдалеке от траспортных путей и объектов городской инфраструктуры? Разве все это не будет означать чудовищное ухудшение качества жизни людей? Будут ли новые квартиры действительно равноценны тем, которые людям придется оставить? Или люди окажутся в убогих бетонных гетто?

К тому же выяснилось, что переезжать из сносимых домов москвичи будут за свой счет. Помощь будет оказана только пенсионерам и инвалидам"

Однако и тем жителям города, которые останутся жить по соседству с огромными многоэтажными бетонными сотами, возводимыми на месте сносимых домов, придется несладко. Одно дело - уютный зеленый район, застроенный невысокими домами. Другое - когда вы внезапно оказываетесь посреди гигантского человеческого муравейника, в котором невозможно повернуться, отдохнуть, дождаться автобуса, погулять, где плотность населения чудовищна, и человек испытывает затерянность и собственную ничтожность. "Небоскребы, небоскребы, а я маленький такой..."

Как и в ходе "точечной застройки" начала 2000-х годов, огромные котлованы на месте будущих строек рискуют вызвать трещины в фундаментах соседних домов, а их обитателям вряд ли придется отныне видеть солнце и небо, заслоняемые многоэтажками...

Встает и такой вопрос: для кого будут построены эти громады? Кто будет в них жить? Обычному человеку труда не по карману купить новую квартиру в Москве. На социальное жилье расчитывать не приходится. Московские власти сразу предупредили, что "реновация" не предназначена для расселения многочисленных "коммуналок". Есть, конечно, еще ипотека, но дело это рискованное и тоже дорогое. Значит или многие из новых квартир просто останутся пустыми - или будут предназначены для богачей, у некоторых из которых и так по несколько квартир. А многие из зданий пойдут под офисы, бизнес-центры, коммерческие гостиницы и прочие сооружения, приносящие прибыль. Подобная реформа городских кварталов с вытеснением обычных людей богачами и офисами получила в мире название "джентификации". Против нее ведется упорная борьба во многих городах планеты...

Наконец, негодование жителей города вызвал и тот факт, что правители, по обыкновению, не спросили их мнения, принимая и утверждая в московских и общегосударственнных органах программу "реновации". Но если власти думали, что на сей раз произвол опять сойдет им с рук и люди покорно примут очередной "подарок", призванный обогатить чиновников и строительную мафию, то они ошиблись...

Представители и агитаторы мэрии обнаружили это очень быстро - еще на "предварительном" этапе, когда они проводили "встречи" с жителями различных московских районов. Жители намеченных под снос домов в центральной части города в массе своей наотрез отказались переезжать и пригрозили, что пойдут на все, но с места не сдвинутся. Такой же была реакция обитателей многих кирпичных зданий. Несмотря на массированную пропаганду "сверху" и террор, развернутый против тех, кто активно и громко возражал против "реновационного беспредела" (некоторые активисты были жестоко избиты "неизвестными", кому-то сожгли кваритиры и т.д.), негодование только нарастало.

14 мая на проспекте Сахарова в центре Москвы, по инициативе активистов с мест, был созван самый крупный митинг социального протеста в столице, по меньшей мере, за минувшие 20 лет. Члены российской секции Международной ассоциации трудящихся также пришли на него с транспарантами "Дома жильцу, а не дельцу" - девизом движения против "точечной застройки" 2007 - 2008 гг., демонстрируя тем самым преемственность орьбы за социальные права "простых людей".

Десятки тысяч людей, принявших участие в митинге, самоорганизовались через местные инициативы и социальные сети. Участники сказали решительное "нет" как антисоциальной политике нынешней власти, так и попыткам политической оппозиции использовать возмущение жителей города для того, чтобы самой прорваться к власти. Отказ от использования партийной символики и от партийно-политической пропаганды, недопущение на трибуну кумира национал-либералов и популистов Навального и его свиты показали, что протестующие не желают, чтобы ими манипулировали претенденты на "кормушку". Конечно, среди плакатов и лозунгов нередко встречались достаточно консервативные и умеренные по содержанию (к примеру, призывающие к защите конституции и права частной собственности), но имелись и радикальные: "Руки прочь от моего дома", "Руки прочь от моего города", "Многоэтажные гетто – смерть Москвы!", "Против депортации", "Против принудительного выселения", "Ты виноват уж тем, что хочется им пилить", "Бизнес ваш – беда наша" и даже "Когда отнимут последнее, пролетариату нечего будет терять, кроме своих цепей".

Анархо-синдикалисты вели на митнге агитацию за общественную самоорганизацию. Они выражали надежду на то, что рождавшееся на глазах новое движение низового сопротивления приведет к созданию самими жителями структур прочной и устойчивой самоорганизации и самоуправления (регулярных и суверенных общих сходов и их исполнительных органов – выборных комитетов на уровне микрорайонов, кварталов, улиц, домов, подъездов), а также их координации на уровне округов и города в целом. Такие органы могли потребоваться, например, для того, чтобы мобилизовать соседей и группы поддержки из других районов на акции солидарности с теми, кого могут принудительно выселять в рамках "реновации". Важно было, чтобы эти структуры самоуправления состояли из самих жителей и были полностью подконтрольны им, а не подчинялись стратегии политических партий и групп в их борьбе за власть и продвижение "наверх", к кормушкам, лидеров-политиканов...

К несчастью, социальный протест, как это нередко происходило в России после 1991 года, оказался задушен совместными усилиями власть имуших и оппозиционных политиков-карьеристов. Хотя идея солидарности, взаимной поддержки, квартальной самоорганизации и самоуправления обсуждалась в "социальных сетях" и кое-где вызывала симпатию, до реального возникновения таких инициатив дело так и не дошло. Оппозиционные группки и партийки учредили несколько параллельных "организационных комитетов" новых акций протеста, но серия устроенных ими митингов далеко не дотягивала до первой волны 14 мая. По существу, политики раскололи движение. Полным позором закончилась акция протеста 12 июня, созванная претендентом на власть от оппозиции Навальным: он позвал противников "реновации" на проспект Сахарова, но в последнюю минуту перенес его в другое место, чем вызвал сумятицу и дезорганизацию...

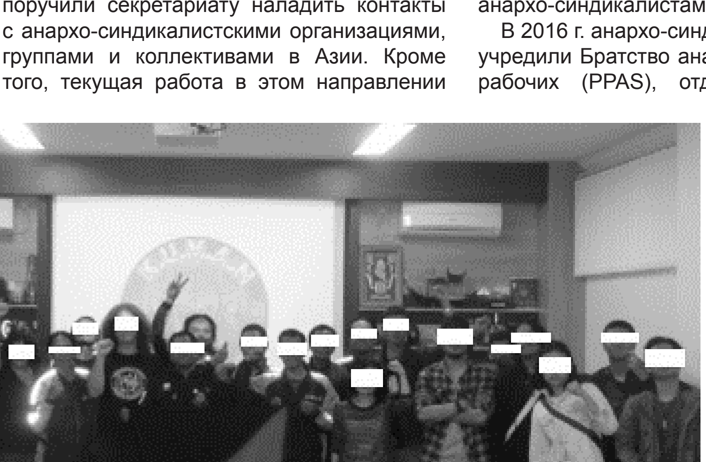
Другим фактором спада протестной активности стали маневры перепуганных властей. Стремясь расколоть движение возмущенных жителей, мэрия поспешно пообещала, что ни один дом не будет снесен или переселен без согласия большинства его жителей. Собственникам квартир было предложено голосовать поодиночке на Интернет-порталах и в районных Центрах государственных услуг. Одновременно подконтрольные СМИ и провластные ресурсы еще сильнее повысили накал сладкоречивой пропаганды, вылив потоки обещаний на легковерных стариков и жаждущих улучшить свои жилищные условия молодых людей... Но даже и так из 4087 домов, включенных в итоге в программу, более 10% (452) домов проголосовали против. Правда, властяи удалось взамен "сагитировать" на присоединение к плану переселения обитателей еще полутора тысяч домов.

Конечно, в условиях массированной обработки сознания граждан и такой результат можно считать значимым. И хотя самое перспективное и массовое социальное протестное движение в Москве на этом пока что сошло на нет, оно стало свидетельством того, что в российском обществе копится социальный протест и зреют гроздья гнева... Воот только готовность людей труда к прочной самоорганизации и независимому действию по-прежнему оставляет желать лучшего. Слишком велика еще вера в политиков правящих или оппозиционных, в способность и готовность кого-то другого решать за людей их проблемы и отстаивать их жизненные интересы...

Чечорин

ИНТЕРНАЦИОНАЛ ИДЁТ В АЗИЮ

Анархизм и анархо-синдикализм традиционно воспринимаются как движение европейское и латиноамериканское. Мало кто помнит сегодня о том, что сто лет назад именно анархисты стояли у истоков профсоюзного движения в Китае и странах Юго-Восточной Азии, возглавляли массовые забастовки, создавали школы и издавали газеты. После 1940-х годов анархизм в регионе был забыт на долгие десятилетия, и лишь в конце XX века идеи безвластия стали возвращаться в Восточную Азию. Вначале интерес к ним пробудился в молодежной среде, альтернативных и музыкальных субкультурах. среди творческой интеллигенции. во многом следовавшей примеру своих зарубежных друзей и коллег. Но затем начала приходить убежденность в том, что анархизм - это путь решения казалось бы неразрешимых социальных проблем, дорога, ведущая к свободной, гармоничной и счастливой жизни. “Все больше и больше людей понимает, что национализм ведет лишь к конфликтам и войне, а выборы - к разочарованиям. Поэтому анархизм не только имеет прочные основы - он оживляет, - объяснял. например, А Кок, организатор первой в истории Гонконга анархистской книжной ярмарки. - ... Анархизм - это вера в человечность. Если вы считаете, что мы все - себялюбивые эгоисты по природе своей, тогда, черт побери, да, нам нужно, чтобы нами управляли. Но если вы так не считаете, если эгоизм и зло социально обусловлены, то вы, возможно, тоже являетесь анархистом...”

В начале XXI столетия Восточная и Юго-Восточная Азия превратились в настоящую “мировую мастерскую”. Сюда переносятся из стран капиталистического “центра” многие производства, привлеченные, в первую очередь, дешевизной местной рабочей силы. И дешевизна эта вызвана, прежде всего, тяжелейшими условиями эксплуатации, низкими заработками и бесправием наемных тружеников. Официальные и соглашательские профсоюзы - робкие, покорные, бюрократические и неповоротливые - неспособны отстаивать права и интересы трудящихся. Они полностью подчинены политиканам, властям или диктату предпринимателей. В таких условиях лишь анархистское рабочее движение, анархо-синдикализм, лишь методы самоорганизации и прямого действия могут принести успех в ходе классового сопротивления людей труда.

Отсюда и настоятельная необходимость распространения и развития анархо-синдикалистских идей, методов борьбы и форм организации в этом ключевом регионе мира. Вот почему российская секция неоднократно призывала на конгрессах Международной ассоциации трудящихся обратить самое пристальное внимание на анархистское и рабочее движение азиатских стран, завязать там прочные контакты и содействовать созданию анархо-синдикалистских рабочих и профессиональных союзов в Азии. Эти предложения были поддержаны и приняты Интернационалом.

Делегаты 25-го и 26-го конгрессов Международной ассоциации трудящихся поручили секретариату наладить контакты с анархо-синдикалистскими организациями, группами и коллективами в Азии. Кроме того, текущая работа в этом направлении была доверена Анархо-синдикалистской федерации Австралии (ASF) как ближайшей в географическом отношении секции Интернационала.

В августе 2014 г. участники международной рабочей группы анархо-синдикалистского Интернационала (члены секций М.А.Т. из Испании, Польши и Австралии) организовали серию презентаций, дискуссий и встреч в Гонконге и на Тайване с местными активистами. Сессии продолжались по 8-10 часов в день. На них присутствовало единовременно от 30 до 50 человек. В мероприятиях приняла участие половина секций Международной ассоциации трудящихся - преимущественно в форме аудио- и видео-конференций. В Гонконге на встречу пришли альтернативные и социальные активисты, некоторые из которых занимаются рабочим движением. На Тайване - различные люди, включая некоторых профсоюзных активистов. Члены М.А.Т. представили идеи и практику анархо-синдикализма, рассказали, что такое Международная ассоциация трудящихся и как она работает. 7 секций Интернационала (из Австралии, Бразилии, Британии, Испании, Польши, России и Словакии) поделились своими идеями и опытом, привели множество примеров того, как методы прямого действия могут принести успех в борьбе. Собравшиеся задавали самые различные вопросы -- начиная с того, как работают анархо-синдикалистские федерации и кончая тем, как можно организовать людей и наладить работу на рабочих местах. Распространялись издания на английском и китайском языках, в том числе бюллетень М.А.Т., брошюра об Интернационале и тексты, подготовленные участвовавшими секциями.

Позднее товарищи из ASF помогли в создании двух инициативных групп – в Маниле (Филиппины) и Сингапуре, а также установили тесные связи с анархистами и анархо-синдикалистами Индонезии.

В 2016 г. анархо-синдикалисты Индонезии учредили Братство анархо-синдикалистских рабочих (PPAS), отделения которого к настоящему времени созданы в Джакарте и Сурабае.

Осенью 2017 г. секретариат Международной ассоциации трудящихся вместе с Братством анархо-синдикалистских рабочих Индонезии и профсоюзом водителей компании “Убер” (KUMAN) организовали мероприятия, на которых представили Интернационал, рассказали об актуальности анархо-синдикализма и практической борьбе трудящихся. Первое из них прошло 13 сентября в Джокьякарте. С докладами выступили члены секретариата Международной ассоциации трудящихся и рабочие активисты, после чего состоялось живое обсуждение возможностей развития анархо-синдикалистского движения в Индонезии. На встречу пришло множество людей, проявивших интерес к борьбе трудящегося класса.

Второе мероприятие было проведено 24 сентября в Джакарте. На нем выступали члены секретариата Международной ассоциации трудящихся , PPAS и KUMAN. В центре дискуссии стояли проблемы практической борьбы трудящихся за свои права и интересы.

Секции анархо-синдикалистского Интернационала надеются на то, что в недалеком будущем в Юго-Восточной Азии возникнет секция Международной ассоциации трудящихся, которая придаст импульс развитию анархо-синдикализма на Азиатском континенте.

По информации Международной ассоциации трудящихся

БОРЬБА ВОДИТЕЛЕЙ “УБЕР” В ИНДОНЕЗИИ

Водители всего мира вышли на акции протеста против эксплуатации в транснациональной корпорации “Убер”, которая организовала по всему миру службу пассажирских перевозок такси или частными водителями, вызываемых через мобильное приложение. В Индонезии водители, которые работают на “Убер” (в основном, мототакси), при поддержке Братства анархо-синдикалистских рабочих (PPAS) создали профсоюз KUMAN. Борясь за свои интересы, они провели совместно с PPAS акции протеста и забастовку. Водители-моторикши возмущены мизерной оплатой их работы, тяжелыми условиями труда и отсутствием социальных гарантий.

19 августа 2017 г. сотни водителей устроили забастовку. Протестующие собрались перед офисом компании “Убер” в Джакарте; в различных городах Индонезии водители отказывались выполнять заказы. Профсоюз KUMAN выдвинул список требований; его делегаты встретились с представителями компании, которая, к слову сказать, отказывается признавать профсоюз законным. Среди требований работников: повышение расценок оплаты, отмена практики бесплатных перевозок в рекламных целях и т.д. В выполнении этих требований заинтересованы и другие водители и таксисты Индонезии, которые страдают от демпинговых расценок “Убер”, обеспечиваемых, в том числе, за счет сверхэксплуатации тех, кто работает на эту фирму.

9 сентября водители “Убер” организовали в Джакарте забастовку и демонстрацию во главе с KUMAN и PPAS. Протестующие направились к офису компании, который был окружен полицией, выступившей в привычной роли цепных псов предпринимателей. У входа был устроен митинг. В демонстрации приняли участие и члены секретариата Международной ассоциации трудящихся, пришедшие поддержать борьбу трудящихся Индонезии против “Убер”. Настроение протестующих со всей очевидностью свидетельствовало об остроте классовых противоречий. В ходе выступления было несколько раз прервано движение городского транспорта, а полиция вооружилась тяжелыми дубинками и спецсредствами для разгона демонстраций. Однако до тяжелых столкновений между участниками протеста и репрессивными силами дело не дошло.

В тот же день в различных странах мира прошел день солидарности с водителями “Убер” в Индонезии. Он был организован по призыву PPAS и Анархо-синдикалистской федерации Австралии (ASF) и поддержан анархо-синдикалистским Интернационалом – Международной ассоциацией трудящихся.

В Австралии ASF выставила пикеты у офисов “Убер” в Мельбурне, Канберре, Перте и Брисбане, протестуя против условий труда товарищей в Индонезии и выражая поддержку их требованиям. Федерация солидарности (SF, секция М.А.Т.) пикетировала отделения компании в Лондоне, Манчестере и Брайтоне. Акция протеста в Мадриде была устроена местным межпрофессиональным профсоюзом SOV CNT-AIT. Активисты Анархо-синдикалистской сети Германии раздавали листовки с информацией о трудовом конфликте в Кёльне. Норвежская синдикалистская федерация (NSF, секция М.А.Т.) распространяла листовки среди таксистов Осло. Акции солидарности были проведены Союзом синдикалистов Польши (ZSP, секцией М.А.Т.) и Альянсом рабочей солидарности в США (WSA, дружественной организацией М.А.Т.). Российская секция Интернационала, К.Р.А.С. распространила информацию о борьбе водителей Индонезии и призывы к солидарности с ними на десятках основных такси-форумах России в Интернете...

Конфликт между “Убер” и водителями в Индонезии не завершен. Товарищи продолжают борьбу.

“Fragua Social”, 2017, №4

БУНТ ИНДИЙСКИХ РАБОЧИХ В АСТАНЕ

Вечером 2 сентября 2017 г. в столице Казахстана Астане вспыхнули столкновения между индийскими рабочими, занятыми на строительстве шикарного отеля “Абу-Даби Плаза”, и охраной, не выпускавшей их за пределы объекта. Охранники заявили работникам, что те пьяны, и отказались их пропустить. Возмущенные рабочие попытались прорваться силой...

В стычке участвовали около 30 человек. По словам свидетелей, произошло “что-то вроде забастовки”. Полиция перекрыла пересечение улиц Алматы и Туркестан, подтянула подкрепления и штурмовала объект, на котором забаррикадировались рабочие.

По официальным сообщениям, 8 человек были задержаны и доставлены в органы внутренних дел. На место прибыли посол Индии в Казахстане, представители фирмы и властей. На месте событий было на некоторое время выставлено полицейское оцепление, дежурили машины “скорой помощи”...

Наблюдатели и аналитики обращают внимание на тот факт, что рабочих на строительство отеля наняли не в самом Казахстане и привезли не из Китая, Узбекистана или Кыргызстана, а из Индии, страны с крайне “дешевой” рабочей силой. Предприниматели доставили а Астану бесправных трудящихся, которым можно платить сущие гроши, подвергать придиркам и издевательствам и при этом не соблюдать нормы трудового законодательства.

Однако, как выяснилось, даже эти небольшие деньги предприниматели умудряются не платить. Фирма-заказчик “Алдар пропертис” откатывает деньги через фиктивные субподрядные организации и задерживали зарплату рабочим. Протестуя против этого, в прошлом году индийские рабочие провели акцию саботажа: взорвали газовый баллон на одном из этажей объекта, что на долгие месяцы задержало стройку.

Таким образом, сентябрьский бунт индийских рабочих-строителей против плохого обращения со стороны охраны и начальства стал уже не первым их выступлением. Столкнувшись с произволом, бесправные работники инстинктивно открывают для себя новые радикальные методы борьбы.

По материалам СМИ

ОРУЖИЕ ТРУДЯЩЕГОСЯ КЛАССА

Противоречия, которые существуют между трудящимся классом и хозяевами, не сводятся к экономическому конфликту между классами. Эксплуатация трудящихся – это не только вопрос труда; она носит куда более широкий и всеобъемлющий характер.

Наемный труд – это не просто форма эксплуатации, которая основана на праве частной собственности и на свободное предпринимательство, но и юридически закрепленный результат политического, культурного и ценностного господства определенного класса. В этом смысле, в сфере экономики трудящиеся вынуждены подчинять свой разум и свои действия приказам хозяина, то есть ставить себя в зависимость от другого лица, повиноваться его руководству и тем самым унижать себя повиновением.

Таким образом, при капитализме экономическая эксплуатация включает в себя элемент, который можно определить как форму временного рабства. Ведь трудящиеся связаны друг с другом не добровольными отношениями, договариваясь друг с другом и принимая решения совместно – они подчиняются руководству предприятия.

Капиталистическая эксплуатация не сводится только к тому, что люди вынуждены работать за зарплату. Она означает лишение их возможности управлять производственным процессом и контроля над средствами производства и услугами. Существует целый комплекс юридических, политических и ценностных аспектов, который и делает возможным капиталистическую эксплуатацию. Ему соответствует и набор образов жизни, вытекающих из определенной формы отношений между людьми и вещами.

В этом конфликте право и юридические отношения отражают противоречия, существующие между трудящимся классом и хозяевами. Вот почему законодательство не может играть определяющую роль в защите рабочих интересов, ведь именно юридические рамки организуют, регулируют и делают возможной капиталистическую эксплуатацию.

Обращение к закону может, конечно, служить шаткой надеждой в деле защиты прав работников, которые у них еще остаются, но не в состоянии стать оружием борьбы на пути к революционной цели. Отстаивание легальных и юридических действий без ориентации на прямое действие может лишь парализовать борьбу трудящегося класса, обречь его на блуждание в не имеющем выхода лабиринте. Ведь весы правосудия все больше и больше склоняются в сторону

хозяев, а не трудящихся. Вот почему в рабочей борьбе именно прямое действие должно играть ведущую роль, не обращая внимания на узкие границы легальности.

Такова ситуация, в которой находится в настоящее время трудящийся класс. Он не в состоянии отстоять некогда завоеванные им права и интересы, разучился бороться и подчас даже не сознает этого.

Рабочая масса может выйти из состояния фатального индивидуализма только путем солидарности, которая позволит ей вновь обрести утраченное социальное сознание. Трудящийся класс должен сплотить свои ряды, действовать с позиции силы и атаковать там, где он способен причинить врагу наибольший ущерб. Иными словами, осознав ту функцию, какую его принуждает выполнять капиталистическая машина. Ведь, помимо любого механистического детерминизма, трудящийся класс выступает как сознательная “шестеренка”, могущая вызвать цепную реакцию, которая парализует и разрушит капиталистическое общество.

В этой борьбе трудящимся надлежит выбрать свое оружие, чтобы противостоять противнику, владеющему армиями и арсеналами. И этот выбор имеет решающее значение: ошибка приведет к смертельному исходу.

Прежде всего, следует признать, что индивидуальные действия против класса оказываются тупиком. Определяющим моментом служит ассоциация, объединение. По сравнению с индивидуальными действиями, ассоциация предстает как соединение отдельных прежде разделенных сил – теперь же простая математическая операция умножает их. Именно таково традиционное оружие трудящегося класса. Перечислим наиболее важные из его видов.

Первый из них – это рабочий бойкот. Он направлен на экономическое удушение того или иного предприятия путем отказа покупать и продавать его изделия и услуги, чтобы оказать на него экономическое давление, лишить финансовой подпитки и опустошить кассу предпринимателя, лишив его потребителей.

Другое важнейшее оружие, имеющееся в распоряжении трудящегося класса, – это саботаж. Он также нацелен на опустошение кассы предпринимателя, но не через потребление, а с помощью действий, стремящихся разрушить, испортить или изменить какое-либо изделие или услугу, нарушить или парализовать процесс их производства.

Третье традиционное оружие трудящегося класса – это забастовка. Оно имеет жизненно важное значение, поскольку основано на осознании той роли, которое капиталистическое общество отводит трудящимся, то есть их вовлеченности в процесс производства. Забастовка означает прекращение выполнения ими этой роли и направление энергии на коллективный отказ от работы с тем, чтобы оказать давление на предпринимателя и добиться выполнения своего требования, каким бы оно ни было.

Эти формы требуют конкретного обдумывания и занимают свое место в борьбе трудящегося класса против всех видов угнетения и эксплуатации. При выборе необходимо принимать во внимание все соответствующие обстоятельства.

“Fragua Social”, 2017, №4

ЦЕНА СВОБОДЫ :
коммунизм в отдельно взятой коммуне

У Симоны нет счета в банке, но есть три стиральные машины, семь автомашин и дюжина велосипедов. Свое имущество она делит с 83 другими людьми, которые с 1986 года живут в старейшей коммуне Германии – Нидеркауфунгене, альтернативе миру, где все называют друг друга по фамилии и измеряют ценность человека по его доходу. В коммуне все обращаются друг к другу по именам и делят с друг с другом то, что имеют.

Когда Симона вступила в коммуну, у нее было 9000 евро; она переписала их на коллектив. Только одежда, две старые байдарки и электропианино принадлежат ей одной. Все остальное, как общее имущество, распределено между мастерскими и домами на большом земельном участке площадью в 10 тысяч кв.м. в медлительно-задумчивом Нидеркауфунгене под Касселем. Каждое евро, которое она зарабатывает как инструктор по ненасильственной коммуникации, получает в подарок от друзей или наследует, идет на счет коммуны.

Если она теряет заказ, коммуна покрывает потерю: при 60 работающих коммунарах, вклад Симоны составляет лишь небольшую часть. Все это звучит, как максимальная свобода. Но как обстоит дело со свободой, если приходится брать деньги из общей кассы?

Если Симона хочет попить кофе в Касселе, она идет к Лизе в административную часть, берет себе 10 евро из золоченого ящика, в котором коммуна вот уже четверть века хранит свою наличность, и карандашом записывает на листке бумаге свое имя вместе с целью использования денег. Но она может написать и имя своего соседа. Или вообще не написать никакого. Однако так коммуна жить не сможет, говорит Симона.

Раньше, когда ящик с деньгами стоял в обеденном зале и был открыт для всех, в конце иного года могло недоставать по несколько тысяч евро. С тем пор, как ящик поставили в административной части, свободный доступ в которую имеют только коммунары, но не гости, недостачи резко сократились.

Красть из общего котла – это как обкрадывать самого себя, поясняет Симона. От общего счета зависит десяток предприятий коммуны и, соответственно, рабочие места большинства коммунаров.

Симона – одна из немногих “работающих вовне”, которые время от времени покидают двор, чтобы заработать деньги. Ей нравится на пару дней в месяц покидать общину. “Тем самым я снова получаю удовольствие от общения с другими людьми и немного отдыхаю от социального контроля”, говорит она. Быть постоянно на виду утомляет.

Если ей захочется купить новое весло для своей байдарки, которое стоит дороже 150 евро, она должна записать свое намерение на черной доске. Если кому-либо из членов коммуны это не понравится, у того есть одна неделя для того, чтобы высказать свое возражение. Каких-либо четких правил разрешения спора не существует. Собственно говоря, Симона не может тратить деньги вопреки воли других, но и другие не имеют права запретить ей купить весло.

Здесь уже требуется дипломатия, и в каждом конкретном случае вопрос решается по-разному. Когда несколько лет назад двое коммунаров независимо друг от друга одновременно собрались лететь в отпуск, поднялось широкое возмущение. Многие обитатели коммуны воспринимают полеты на самолете как кощунство. После долгих переговоров один из претендентов отменил свою поездку, другой настоял на своем и улетел в отпуск. Впрочем, на сегодня в коммуне остался лишь первый из двоих.

Когда Симона в 1997 году сменила захваченный дом, в котором она обитала в Пренцлауэр-берге на гессенскую глубинку с фахверковыми домами и запахами скотного двора, она знала, на что идет. Хотя “социальный контроль” ее напрягает, в итоге она убеждена, что выиграла от переселения. “У меня больше нет банковской карточки и частного счета в банке, – говорит она и щурится на солнце, глядя на столярную мастерскую, – о моих налогах заботятся другие – это уже здорово”.

При этом она согласна позволять себя меньше. как обстоит дело с финансами, она узнает на верхнем этаже, около зала для отдыха и еды, куда детей не пускают. Там на плинтусе вывешен месячный баланс коммуны. При доходах в 53038 евро и 41 цент она может рассчитать, что на нее, как и на каждого из 83 других коммунаров, приходится примерно 640 евро. Даже если делить деньги только среди взрослых, то это составит 840 евро. Если вычесть из этого арендную плату и побочные издержки, то теоретически останется не так уж много. Но в Нидеркауфунгене и покупать особо нечего.

Иначе обстоит дело, если она отправляется в город. “Тут уж мне хочется заполучить все красивые вещи, которые можно увидеть в раю для шопинга, – смеется она. – Но, к счастью, я редко там бываю и могу здесь забыть о многих соблазнах”
.

Хотя в коммуне в ее распоряжении оказывается не так уж много денег, они стоят дороже. В конце концов, столяр-коммунар чинит ей шкаф, слесарь из коммуны чинит велосипед, садовник-коммунар собирает овощи, а повар коммуны каждый день готовит ей обед – за все это ей пришлось бы платить. “При моей жизни здесь, мне, собственно, и не нужны деньги”.

Зато она наслаждается другой роскошью. “Фолькер, мы здесь думаем о нашей почасовой оплате?” – спрашивает она бородатого мужчину, который уселся рядом с ней на солнышке на деревянной скамейке с чашкой кофе в руке. Немного подумав, Фолькер раздумчиво трясет головой и говорит: “Неа”.

Лиза из административной части кивает. Прежде она работала научным сотрудником в Кассельском университете, и она, социолог, не жалеет о своем переходе от изнурительной конкурентной борьбы за карьеру в вузе к жизни в коммуне. “Здесь я работаю 20, максимум 30 часов в неделю, – говорит она. – Для меня это благоденствие”.

Прежде ей приходилось чаще есть, а если было поздно – иногда вызывать такси; теперь она себе такого не позволяет. Но ей этого и не надо: теперь она сама может определять свое рабочее время, а коммунары каждый день готовят для нее еду. “И, кстати, еда здесь вкуснее, потому что почти все идет с собственной грядки”.

Со времени прихода в коммуну, она стала покупать осторожнее и дольше раздумывать, действительно ли нужна ей новая пара обуви. “Я ощущаю здесь большую ответственность”, – говорит 31-летняя женщина. Ведь пользуясь счетом коммуны, она пользуется общим имуществом, и не каждый здесь может сам зарабатывать себе на жизнь.

В коммуне с момента ее создания действует принцип: “От каждого по способностям, каждому по потребностям”. Члену коммуны, который был наполовину парализован после инсульта и уже не в состоянии работать в столярной мастерской, полагается столько же из “общего котла”, сколько и ей. “У меня нет четкого ответа на вопрос, нужно ли мне что-то на самом деле, потому что я теперь отвечаю не только за саму себя”.

Со временем уже 2 коммунаров достигли пенсионного возраста. Седобородый Ули живет в коммуне вот уже почти 30 лет. Он еще помнит, как инициативная группа покупала усадьбу в Гессене за полмиллиона немецких марок. Годами он наблюдает, как на черной доске множатся заявки на покупку линз для очков и зубных протезов.

В эпоху основания коммуны в 1980-х. когда инициативная группа искала соратников через объявления в газете “ТАЦ”, громче звучали такие речи, как “Пусть смерть застанет нас живыми и жизнь нас не убьет”. Об обеспечении старости тогда мало кто задумывался. Теперь это изменилось. Как и Лиза, Ули работает в административной части и отвечает там за “котел сбережений на старость” – коллективную пенсионную кассу, которая ежемесячно пополняется из доходов общины.

Правда, все члены коммуны имеют социальную страховку – но только ее. Многие работают как малозанятые. “Но что такое занятость за 451 евро при коллективном хозяйстве?” – спрашивает Ули. Тем не менее, полагающаяся по закону пенсия оказывается копеечной. Поэтому вот уже несколько лет административный коллектив рассчитывает для каждого коммунара ожидаемый размер пенсии. Цель в том, чтобы каждый, кому исполнится 65 лет, дотянул до минимум 850 евро; недостающее до этой суммы будет покрываться из “пенсионного котла”.

Конечно, если система сбережений до тех пор выживет. Ули подчеркивает, что речь идет о “намерении без притязания на пенсию”. Если коммунар, став пенсионером, останется в общине, для него ничего не изменится. Как и его заработок прежде, его пенсия будет поступать в кассу коммуны. Из какого “котла” она будет выплачиваться, в повседневной жизни не будет играть никакой роли. А вот если он покинет общину, то его пенсия будет ему переводиться ежемесячно.

“Чем старше становятся члены коммуны, тем тяжелее для них начинать все заново

снаружи", – говорит Ули. Чтобы иметь возможность снова стать на ноги в жизни без коммунальной кассы, каждый вступающий в коммуну заключает с ней договор, в котором фиксируется, сколько денег он сможет получить при выходе из нее. В среднем это от 5 до 10 тысяч евро, вне зависимости от того, вступил ли он обремененным долгами или сказочно богатым. При изменении условий жизни, условия договора могут быть приспособлены к новой ситуации. Тема достаточно острая. До сих пор все конфликты насчет этой суммы удавалось улаживать, но споры бывают всегда, говорит Ули.

Споры вызывают и вопросы "трудовой этики". Именно потому что каждый коммунар – сам себе начальник, представления о трудовом усердии у всех иногда весьма разные. Кто-то из коммунаров ревностно берется за работу и в конце месяца сетует на предполагаемую праздность других. Ули эти проблемы знакомы с 1980-х, и он в таких случаях советует особо рьяным сдерживаться: "Тебя же никто не заставляет столько работать".

Ну как же, возмущаются рьяные товарищи. Ведь в иные месяцы уже бывало так, что расходы превышали доходы и приходилось отменять выплаты в пенсионные фонды. нам необходимо лучше вести хозяйство в усадьбе, взывают некоторые, это же неправильно, когда горстка коммунаров, работающих вне коммуны, приносят треть наших доходов. Но мы же не такие, как те там, снаружи, возмущаются другие, если вам не хватает денег. тратьте меньше.

И это также хорошо знакомо Ули вот уже несколько десятилетий. Он и сам часть всего этого. И его вывод таков: Кто меньше смотрит на других, сам живет лучше. Цену свободы, обеспечиваемый общим счетом, многие коммунары платят чувством, что они что-то должны общине. "Иногда я испытываю страхи в связи с моими доходами, – объясняет Симона. – Как самостоятельно работающая, я хотела бы больше вносить в коммуну, и это иногда сильнее давит на меня, чем мне бы хотелось".

Это относится и к "залезанию" в общую кассу. Негласно некоторые коммунары различают два типа отношения к общим деньгам: люди, которые берут из "котла", испытывая угрызения совести, и те, кто ревниво воздерживаются. Слишком вольное обращение с "коммунальным котлом" – это рискованный кульбит, говорят они.

Легкость в обращении с общим имуществом дается не всем. Многие платят за свою свободу угрызениями совести. Потому Симона и вздыхает: "Хотя моя жизнь теперь куда более осмысленна и наполнена, я здесь не свободнее, чем снаружи – просто это иная несвобода".

Один из тех, кто, как кажется, не смущаются при этом, – Дитер. Его отношение у золотому ящику с наличностью выглядит беспечным: "Я просто иду туда и беру, сколько мне надо". Хотя его расходы, по собственным оценкам, находятся в верхней трети средних значений, он не испытывает никаких угрызений совести. В конце концов, он, как и все остальные, приносит пользу общине. "Я участвую в этом и беру то, в чем нуждаюсь", – такова его простая арифметика.

Он вступил в коммуну семь лет назад, чтобы "вырваться из беличьего колеса", как он говорит. Как повар, он работал тогда по 60 часов в неделю, с понедельника до воскресенья. Сегодня он готовит еду для коммунаров, пожилых людей и яслей. Конец недели у него свободен, его рабочая неделя длится 30 часов. Когда он хочет уйти в отпуск, то договаривается с коллегами и уходит. Хотя Дитер, которому вскоре исполнится 60 лет, уже не может наслаждаться дорогостоящими клубными удовольствиями, он садится на поезд и отправляется на отпускную квартиру в регионе. Свой отпуск он никому не позволит у себя отнять, как бы иной коммунар не усматривал в этом проявление несолидарной роскоши.

Хольгер Фрёлих
brand eins. 2014. №6

КУЛЬТУРА

ПОХИТИТЕЛИ ТЕЛ В РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Современные исследователи левого толка, анализируя антиутопичность существования общества, выделяют два типа художественного апокалипсиса. К первому относят "Восстание машин", когда роботы, получив способность "мыслить", восстают против своих хозяев – людей. Авторы пишут, что страх перед восстанием роботов есть сублимированный страх крупных предпринимателей (капиталистов) перед восстанием рабочих. Коллективное мышление, основанное на солидарности рабочих, предстает в таких антиутопиях в виде искусственного интеллекта, вышедшего из-под контроля и распознавшего в человечестве своих врагов (своего рода Скайнет под красным флагом).

Второй популярный вид апокалипсиса е - это тотальное превращение людей в зомби, в результате которого люди теряют человеческие качества, оставляя лишь функцию поедания всего живого и бессмысленное существование. Голливудское кино про восстание мертвецов выступает своеобразной интерпретацией современной жизни общества при рыночной экономике, которой присущи отчуждение, тупость, монотонность, эгоистичное желание подняться за счет "пожирания" другого ("идти по головам").

Еще одним популярным в кино и литературе видом конца существования человеческой расы является "Вторжение похитителей тел". В 1956 году американский писатель-фантаст Джек Финней написал роман "Похитители плоти": "Эта история началась 13 августа 1953 года в небольшом калифорнийском городке Санта-Мира. На приём к врачу Майлзу Беннеллу пришла Бекки Дрисколл в каком-то странном психическом расстройстве. Она утверждала, что её дядя Айра – вовсе не её дядя, а какой-то самозванец, хотя и выглядит он, и говорит совершенно как дядя Айра. А вскоре странная мания стала распространяться и заражать других жителей городка".

Повсеместную оккупацию можно заметить и в реальном мире, просто выйдя на улицу, у себя дома, на отдыхе и на работе. Правда, в роли инопланетных существ со страшными щупальцами выступает коммерциализация окружающего пространства и личной жизни, а также медийность культурной среды. Человеческая личность, помещенная в агрессивную среду рекламы и коммерческих средств масс-медия теряет свою идентичность, растворяясь во вездесущих рекламных кампаниях. В городском пространстве, помимо рекламных плакатов, нас также не покидает голос из громкоговорителей, предлагающий разнообразную продукцию по якобы "смешным ценам". В такой атмосфере у человека не остается места для собственных мыслей, ведь человеческий мозг, склонный к анализу окружающего пространства, невольно устает, собрав со всех углов кучи рекламного мусора разного формата. Морально истощенный, вместо того чтобы осмыслить свое существование, почитать качественную литературу или посмотреть социальное кино, человек вкушает низкопробные в культурном и духовном смысле сериалы, глянцевые журналы и т.д., т.е. материалы, приводящие и так уставший мозг в состояние тупой пассивности, еще больше поддаваясь отчуждению. Вместо трудных поисков самого себя, наиболее близких по духу и мировоззрению людей, человеку предлагается готовый вариант существования, показанный в телевизионных сериалах, модных журналах и на популярных страницах в социальных сетях.

Капиталистическая система постоянно направляет индивида в безопасное для нее русло. Часто встречаются люди, настолько якобы общительные и открытые другим, что готовы без умолку говорить о малозначительных в мировых, да и просто локальных масштабах вещах, будто то ремонт, новый boyfriend чей-то дочери, мода, покупки, гороскоп, новости из мира знаменитостей, но как только тема разговора выходит за «безопасные» для такого человека и системы в целом рамки, он стремительно перевоплощается в напряженного и подозрительного, и может лишь сказать что-то вроде "Да кого это волнует?" или же просто промолчать. Мне встречалась женщина, которая часами могла расспрашивать коллег об их личной жизни и интересах в музыке и кино, однако, когда речь заходила о проблемах экологии или трудовых правах, к примеру, она замолкала, напоминая "зависший" компьютер, на котором установлены лишь простые программы, необходимые для выполнения определенных функций и поддержания образа "нормального человека", без всяких там лишних мыслей. Такое поведение ярко и остро описал сатирик Джордж Карлин: "Много слов и мало смысла".

Люди могут быть профессионалами своего дела, готовыми в любое время суток, решать рабочие вопросы в ущерб личной жизни и здоровью, с дотошностью соблюдать корпоративную этику и всевозможные правила делового общения (часто иррациональные), попутно с садисткой увлеченностью уличая в несоответствии этим правилам других. Однако, когда дело доходит до соблюдения своих же трудовых

прав, они часто меняются в сторону пассивных (мазохичных) и удобных зрителей собственной жизни. Джордж Карлин тут явно подметил: "Люди должны быть достаточно умны, чтобы управлять техникой и делать бумажную работу, и достаточно тупы, чтобы послушно принять все эти дерьмовые работы, с низкой зарплатой и большим временем, урезанными льготами и без оплаты сверхурочных".

Современный человек должен быть умеренно веселым, радушным и корректным (в рамках рыночных отношений, разумеется). Он превращается в средство, неважно потребитель это или продавец услуг, первый является способом обогащения, второй - функцией. И все это в окружении ярких рекламных плакатов с изображением красивых людей и вещей, обещающих райское наслаждение и нескончаемое изобилие, а также комедийных сериалов, показывающих веселую и незамысловатую жизнь вечно позитивных персонажей, с их банальными проблемами. Правда, все это контрастирует с бездомными людьми, нищими пенсионерами и очередями в плохо оборудованных поликлиниках, но это уже другая, выходящая за границы красочных картинок и образов реальность, на которую позитивный человек с активной (!) жизненной позицией не должен обращать внимания или хотя бы не говорить о ней вслух.

Кстати, под активной жизненной позицией понимается не наличие критического мышления, гражданская позиция, волонтерство или общественный активизм, а высокий уровень приспособляемости и лояльности к современной общественной модели под маской удовлетворенности и уверенности (как бы губительно эта модель не влияла на человеческую психику и физическое здоровье).

Очевидно, что требовать от человека тотального позитивного настроя в системе, для которой человек является только средством, а не целью, мягко говоря нелогично и, в конечном счете, лицемерно.

Если у "Похитителей тел" и капитализма лишь косвенная связь, то режиссер фильма "Они живут" ("Чужие среди нас") Джон Карпентер ясно и без намеков показал рыночные отношения чужеродной средой, где простой человек является эксплуатируемым и подчиненным, а их апологетов - инопланетными оккупантами, Описание фильма сообщает нам следующее: "Однажды простой рабочий-строитель Нейда находит необычные солнечные очки. Надев их, он получает возможность увидеть мир таким, какой он есть. Реальность пугает! Оказывается, правительство и средства массовой информации бомбардируют людей скрытыми сообщениями, воздействующими на уровне подсознания: "Спите!", "Не давайте волю воображению", "Подчиняйтесь властям". А что еще страшнее, Нейда увидел истинное обличье многих политиков и важных членов общества! Они и не люди вовсе, а безобразные и злые инопланетяне с планеты Андромеда. Их миссия на Земле - проводить массовую кампанию по подчинению землян своей воле и держать людей в неведении...".

"Волшебные" очки позволяют узнать правду об обществе потребления: взору рабочего Джону Нейда открывается вся суть коммерческих средств информации, рекламных компаний и даже денег: "Надев одну пару, Джон обнаруживает, что все рекламные щиты, обычные листки с рекламой, журналы, книги пестрят лозунгами-внушениями: "Подчиняйся", "Потребляй", "Женитесь и размножайтесь", "Никаких независимых мыслей", "Смотрите телевизор", "Спи", а на деньгах написано "Это твой Бог"".

Такой, пусть и в художественной форме, взгляд отлично показывает реальное положение вещей при капитализме. И все же трудящиеся люди, узнав правду, собирают силу в единый кулак и восстают против своих угнетателей, показав истину остальным людям, что, в конечном счете, позволит вернуть себе свой мир.

"Чеди Даан"

"У нас ничего нет, кроме нашей свободы. И мы ничего не можем дать вам, кроме вашей свободы. У нас нет законов, но есть единственный принцип, соблюдаемый всеми - взаимопомощь. У нас нет правительства, мы свободное объединение людей. У нас нет государства, мы не являемся нацией, у нас нет ни президента, ни премьер-министра, ни вождя; у нас нет генералов, бизнесменов, банкиров, землевладельцев; у нас, правда, нет зарплаты и благотворительности, но нет и полиции, нет солдат, нет войн! И много другого у нас тоже нет. Мы стараемся всем поделиться, а не всем завладеть..."

УРСУЛА ЛЕ ГУИН. ОБДЕЛЕННЫЕ

Издание выпускается с 1994 г.

e-mail: comanar30@gmail.com
Наша страничка:
www.aitrus.info

АНАРХО СИНДИКАЛИЗМ

это анархистское течение в рабочем движении, которое считает революционные профсоюзы трудящихся основным средством борьбы за социальное освобождение и свободу человеческой личности. Он отвергает любые партии и выборы и признает только непосредственную самоорганизацию людей труда. Развивая навыки самоорганизации и солидарности в повседневной борьбе за улучшение жизни и расширение прав наемных тружеников, против произвола капитала и государства, проводя забастовки и другие акции протеста, анархистские рабочие союзы тем самым готовят Социальную революцию и торжество либертарного (вольного) коммунизма.

Наши цели:

- **Замена государства общественным самоуправлением, свободным объединением людей в коммуны и их федерации вплоть до всемирного уровня. Всеобщее вооружение народа для поддержания порядка и обороны.**
- **Организация труда ассоциациями производителей на основе самоуправления. Передача функций координации и планирования экономики коммунам и ассоциациям. Переход собственности в руки самоуправляющихся объединений коммун и трудовых коллективов.**
- **Ликвидация денег и наемного труда.**
- **Свободное развитие каждой человеческой личности во всех ее проявлениях.**

